

Генри Лайон Олди

Цена денег

*Часть сборника
Песни Петера Сьядека
(сборник)*

Хёнингский цикл

Генри Олди

Цена денег

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Цена денег / Г. Л. Олди — «Автор», 2003 — (Хёнингский цикл)

«У Петера болели пальцы, а в глотке поселился колючий еж.— Играй!Он
играл.— Пой!Он пел...»

© Олди Г. Л., 2003

© Автор, 2003

Генри Лайон Олди

Цена денег

«...IV-м указом совета Отцов-Основателей каждому младенцу, рожденному в пределах вольного города Гульденберга, будь он чадом бургомистра или незаконнорожденным отпрыском бродяжки, от щедрот казны отписать незамедлительно в безошибочное владение пансион, достаточный для беспрепятственного достижения полного совершеннолетия и еще на три года сверх того; а ежели магистрат преступно промедлит в сем деле, так бить виновника плетью у позорного столба в назидание...»

Из «Хроник Якобса ван Фрее»

Монетка

на дне.

Мне?

Ниру Бобовай

У Петера болели пальцы, а в глотке поселился колючий еж.

– Играй!

Он играл.

– Пой!

Он пел.

А Юрген пил и плясал вторую неделю без просыпа. Маленький, сердитый, с птичьим хохолком на макушке, бывший стряпчий Хенингской ратуши, а теперь никто, и звать никак, Юрген Маахлиб вколачивал каблучки в половицы, лил «Глухого егеря» в ликер бенедиктинцев, полезный от разлития флегмы, красную малагу – в золотую данцигскую водку, смешивал, взбалтывал, булькал, хлопал, опрокидывал адскую смесь в пиво, темное, густое, с шапкой седой пены, – и хлестал кружку за кружкой, наливаясь граненым, хрустальным безумием. Там, где любой другой свалился бы под лавку, Юрген на эту лавку вскакивал и бил шапкой оземь; там, где портовый грузчик, дикий во хмелю, охнул бы и упал щекой в миску кислой капусты, Юрген кормил этой капустой всю харчевню задарма, и посмей кто отказаться! – пришлось бы пить страшную откупную чару, после которой чертов пьяница поминался трехъярусной бранью, и то лишь сутки спустя.

На лице маленького человека застыла, словно примерзла, брюзгливая гримаса: с ней он плясал, с ней пил, с ней проваливался в краткий, тревожный сон, чтобы опять вынырнуть к буйству. «За что?» – спрашивало лицо или кто-то трезвый, больной, упрямый за окаменелыми чертами, как честный обыватель, схваченный по обыкновению клевете, за решеткой «Каземата Весельчаков».

Но ответ, сатана его дери, гулял совсем в другой харчевне.

А в «Звезду волхвов» ни ногой.

Сейчас Петер, привалясь к стене, торопливо глотал одно за другим сырые яйца, утоляя голод и пытаясь хоть как-то спасти измученное горло. Подогретый «Вестбальдер» с корицей уже не помогал. Конечно, можно было послать Юргена к монахам, на покаяние, встать и выйти из харчевни на свободу, где дозволено молчать, пока не онемеешь, а пальцы мало-помалу забывают пытку долгой лютней. Увы, при ближайшем рассмотрении свобода оказывалась подлой обманкой, дармовым сыром в мышеловке. На дворе, вбитым в мерзлую землю колом, стоял ноябрь, умелый палач, только и дожидаясь, пока Сьядек попадет к нему в стылые объятия. «Оставался бы в Венеции! – насмешливым бельканто зудел внутренний подлец-голос. –

Тепло, сытно... гондолы плавают. Маэстро д'Аньоло, добрая душа, деньги сулил, работу, а ты, дурень!..» Дурень, соглашался Петер. Как есть дурень.

Даже яйцом подавился, от согласия.

Кашлял, кашлял, всего Юргена забрызгал. А тот и не заметил.

– «Кочевряку» давай!

Эта дьявольская «Кочевряка», плясовая школяров университета в Керпенесе и вообще сочинение Их Неподобия Люцифера, заказываемая мучителем сто раз на дню, достала больше всего. Аж в животе от нее, развеселой, яйца в пляс пустились. Лютя булькнула, горло всхлипло:

– Кочевряка, кочеврай!
Сучьим раком кочеврай!
Хошь – в ад,
Хошь – в рай,
Небу зраком козырай!

Под жаргон ученого ворья и драчунов-бакалавров, годных лишь на виселицу, под разбойничий свист тесаков, любимого оружия буршей, не считая латыни, под беззаконное веселье струн Юрген пошел долбить пол вприсядку. Еще в начале осени, когда обочина Хенингской Окружной сверкнула первым дутым золотишком, а небо лгало доверчивым людям, обещая вечную лазурь вместо разверстых хлябей, этот запойный бражник был бюргером самых честных правил. Все законы доподлинно исполнял. Даже нудный «Устав об одежде»: кто имеет восемьдесят марок серебра состояния, тому носить камзол из доброго сукна, имеющему вдвое больше – поверх камзола еще и кафтан, а кто вчетверо скопил, тому – плащ, но без меховой подкладки... Служба, дом. Пиво по воскресеньям, супружеский долг по пятницам. Жenuшка, милая толстушка, как раз была на пятом месяце, когда старуха-цыганка убила ее мужа. Наповал; навyleт. Сказав Юргену на рынке:

– Дай монетку, сокровище.

Юрген дал.

– Дай волосок, сокровище. Правду скажу. За вторую монетку.

Юрген не дал.

– Жмот ты, сокровище. Скарעד копченый. Я тебе и так правду скажу. Даром. Уйдешь ты на Рождество дорогой дальней, для других истоптанной, для тебя нехоженной. Отпoют тебя вслед, плюнут и забудут. И памяти от тебя на этой земле не останется. Помни мое слово, сокровище. Кому Рождество, а кому и свиной хрящик. На, держи. Чтoб было за какой грош гульнуть перед уходом.

И первую монетку под ноги швырнула, стерва.

В грязь.

Юрген вслед кукиш показал, только не успел обидеть. Сгинула цветастая пакость. А он остался стоять с кукишем, как с писаной торбой. Сокровище, в смысле. Из трех пальцев. На большом ноготь плоский, обкусанный. Глянул стряпчий, маленький человек с хохолком, на свой ноготь, и покатилась душа кубарем.

– Эй!.. стой, дура!

Куда там стой! – была дура, да сплыла.

– Кочевряка, чур, я кочет! —
Чёт подначит, чирей вскочит,
Чушка чешет,
Черт хохочет,

Во хмелю школяр стрекочет!

Весь сентябрь Юрген жил прежней жизнью. Жене ничего не сказал, в ратуше отмолчался. К отцу в гости зашел, помянуть матушку, чистую душу, которую шестой год как зарыли на кладбище Всех Святых, в народе прозванном Отпетым погостом, – спросил отец, чего сын скучен, а сын плечами пожал. Так и пожимал до октября. Идет-идет, встанет и пожмет. А по скулам желваки катаются. И хохолок трепещет; от ветра, должно быть. Шляпы-то из-за рассеянности забывать стал: дома, в ратуше, в лавке зеленщика.

С октября по гадалкам кинулся. Ну, тут дело не сложилось: гадалок тьма, все брехливые, хуже шавок подзаборных. Поди их пойми! Кто скажет: «Соврала цыганка! Живи-радуйся!» – а ты думай: в картах увидела? от фонаря брякнула? Кто скажет: «Берегись, правду вещунья напороочила!» – а ты чеши затылок: остерегает? запугивает? Кто прибавит: «Сглаз на тебе, дядюшка! Снимать будем?» – а ты снова-здорово в догадках, словно плохой танцор в трех соснах, путаешься: ради лишнего грошика врет? впрямь помочь хочет?! С середины октября решил: стал сглаз снимать, порчу отводить. Молебны заказал – три штуки. Дорогущие, одно разоренье: святые отцы вцепились в кошелек, не отодрать. Деньжищ потратил гору! Если б по году за каждую монету, имел бы Мафусаилов век. А душа не на месте. От гадалок воротит, на святых отцов еретиком смотришь, кошель подальше прячешь. Жить хочется, только жизнь не в жизнь.

– Кочевряка, кочевряй!
В полночь злаком вечеряй!
В четь святых,
В сычий грай, —
Буйных дракой умирай!

В начале ноября к колдуну пошел. Колдун серьезный оказался: борода, нос крючком, в горшке суп из нетопырей кипит, с луком-пореем. Взял прядь с головы (прямо из хохолка драл! больно!..), взял ноготь с пальца (обкусанный, из кукиша...), взял срамоты ложку да еще плюнуть в ту ложку велел. Юрген плюнул. Как не плюнуть, когда цену колдуннице заломил – ровно знаменитый Мерлин из склепа вылез, народ обирать! Через три дня получил бедняга от чародея, сизого с обильного похмелья, дюжину фигурок. И еще одну в придачу, для верности. Леплены кое-как, сикось-накось: гончар, и тот в рожу рассмеется. Но сила в фигурках немалая. Велено было идолов по друзьям раздать. Жене еще, отцу-матери... Что? Померла мать? Ну тогда первую фигурку в ее могилку зарыть, поглубже. А остальных лже-Юргенов пусть казнят жена-друзья-отец лютой смертью. Топят, значит, в кипятке, головы ножиками режут, в печку бросают, или чего нового изобретут. Лишь бы лютей да ужасней. Смерть за господином Маахлибом придет под Рождество – растеряется. Глядь-поглядь, тринадцать раз уже помер, несчастный. Чего зря косу щербить? Отвели глаза смертушке, убирайся, Безносая, дай пожить молодцу.

Раздал Юрген фигурки.

Тут все плечами пожали: отец, друзья. У женушки любимой от таких страстей чуть выкидыш не случился. Нет, уперся Юрген. Убивайте. А то в монастырь от вас уйду. Взял отец ножик, друзья кипятку заварили, жена печку растопила. Погибла колдовская обманка. Юрген друзьям выпивку поставил, родителю в пояс поклонился, жену в щечку поцеловал, чтоб перед родами не волновать. День прошел, другой. Тут и задумался маленький человек: а как проверить, соврал колдун или впрямь жизнь продлил? Думал-думал, всего один способ проверки надумал. Ох, моим врагам такие способы! Моим врагам такие проверки!

С того дня – запил.

Смертно.

– Кочевряка, чур, я кречет! —
Кости мечет чалый нечет,
Вечер чист,
Чихай на свечи! —
Сатана трещит о встрече!

В этот поздний час «Звезда Волхвов» пустовала. Служанка-приживала Криста скребла изгвазданную дегтем половицу, упав на четвереньки и смачно оттопырив пышный зад. За холмом в юбках, за Эдемским садом, разделенным надвое роскошной ложбиной, пристально следил молодой Пьеркин, правя на оселке мясницкий нож. Отец парня, хозяин заведения, третий год скорбел чревом, редко спускаясь в зал из верхней комнатенки, где куковал сутки напролет в кислом аромате снадобий, – так что молодой Пьеркин готовился вскорости стать Стариной Пьеркином, каких «Звезда Волхвов» перевидала уже с десятков. Впрочем, дело откладывалось со дня на день. Старик хворал, но уступать место молодежи не торопился, а подсыпать любимому папаше мышьяку в куриный бульончик парень еще не решился. Хотя и подумывал между делом. Суть злодейства, как всегда, упиралась в женщину: дебелая Криста была подкидышем. Взрастил ее никто иной, как хворый Старина, во исполнение какого-то, давным-давно забытого обета, и теперь твердо намеревался дожить до заветного дня, когда отдаст девку в хорошие руки, взамен слупив изрядный барыш. Оттого портить красавицу не позволял, грозя лишить наследства; о законном же браке сына с приживалой и речи не шло. Сидел парень собакой на сене, на отцовской цепи, любовался вожаделенным задом вприглядку, и тосковал смертно.

Вот, например, сейчас: хоть всю харчевню Юрген перепляши вдоль и поперек, не оторвать молодому Пьеркину глаз от красоты несусветной.

Зато были другие глаза, что смотрели на плясуна. Без радости, но и без осуждения. Гость приехал утром, сказался с ночлегом, собираясь на завтра убраться восвояси. Человек статный, дородный, средних лет; одет строго, но денежно. Одна досада: серьга в ухе, золотой маятник на цепочке. Никак не вязалась эта серьга с обликом гостя. И еще: будь Петер повнимательней, сумел бы подметить, что гость весь вечер пил вровень с Юргеном. Только хмель его был иным. У Юргена – буря-хмель, пурга-хмель, пьяная завируха, хоть стой, хоть падай. А у этого, с серьгой – гора-хмель, утес-хмель; поросшая мхом громада. Толкни плечом со всей своей трезвости! – пупок развяжется. Сидел гость, молчал гость, «нюнбергское яйцо» над столом качал. Часы дорогущие, тоже на цепочке, как серьга, из кулака маятником свесились: тик-так, тик-так. Так? Значит, так.

И нервный тик щеку подергивал.

– Кочевряка, кочеврай!
Тощей сракой пузырай!
Чай, ничей, —
Сто хрычей
Густо ёрзают сарай!

Потеряв равновесие, Юрген ухватился за край столешницы. Согнулся в три погибели, перхая сорванным горлом. Возле его носа качались часы. Отмеряя время. И кто-то, спрятанный за лицом сердитого гуляки, беззвучно вскричал от боли и страха.

– Выпьем? – спросил Юрген.

Гость молча плеснул из кувшина в две кружки.

– За что? – спросил Юрген.

– За время, – качнулся маятник.

Петер поймал себя на том, что тоже раскачивается от усталости. Очень хотелось спать. Подушечки пальцев горели огнем. Еж в глотке фыркал, бегая вверх-вниз. К счастью, Юрген Маахлиб забыл об измученном Сьялядеке. Сейчас он тряс хохолком над кружкой, не спеша отхлебнуть.

– За время? Что ж, славный повод. Поговори со мной, незнакомец. Я уже давно ни с кем не говорил по-настоящему. Если время – деньги, подай мне грошик. От тебя не убудет, ты богач. Дай нищему Юргену грошик, а я тебе погадаю на свою судьбу. У меня судьба простая, короткая. Я про нее все знаю.

– И я знаю. Ты целый день об этом кричал.

– Кричал? Не помню. Мне кажется, я уже больше недели молчу. Поговори со мной, а? Расскажи мне историю со счастливым концом. Мне очень надо, чтоб со счастливым. Иначе, не дождавшись Рождества, я подарю сам себе веревку, мыло и добрый крюк.

– Историю? – маятник отмерил еще одно-два мгновения. – Хорошо. Я подам тебе не грошик, а целый кошелек. Один мой друг по имени Освальд тоже задумывался о веревке. Это было давно, но веревки с тех пор не изменились: они по-прежнему легко скручиваются в петли. И снег по-прежнему хлещет в лицо, если сбиваешься с дороги...

* * *

...Метель подкралась исподтишка: низинами, заснеженными перелесками. Долго ждала в засаде, и вдруг – плюнула в лицо иглами льда, со злорадным воем вырвалась из-за холма, вцепилась, завертела мохнатыми лапами, проникая под шубу, в сапоги, за воротник. Освальд сомневался, есть ли в гордой латыни или в других благородных языках словечко: «зга» – но сейчас это было не важно, потому что не видно стало именно ни зги. Он хотел выругаться, но только закашлялся: благочестивая метель забила брань обратно в глотку. Оставалось натянуть шляпу на самые уши, плотнее запахнуться и отпустить поводья в надежде, что умная коняга никуда не свернет с тракта. До Лейдена, к счастью, оставалось две мили. Доберемся! Дернул же черт...

Видимо, упомянутый черт в этот момент шлялся поблизости и сумел подслушать мысли. Подтверждая злокозненную репутацию адова семени, из мгливой круговерти донесся волчий вой, в котором слыла вселенская, смертная тоска. Кляча, разом бросив понурую меланхолию, взвилась на дыбы. Ветер подхватил отчаянное ржание, раздирая на части, земля кувыркнулась и чувствительно припечатала по спине корявой ладонью. Что-то навалилось сверху. «Волк!» – ужас обжег душу. Однако клыки медлили вцепиться в горло, да и вообще, волк не подавал особых признаков жизни. Проморгавшись, Освальд с проклятиями отпихнул в сторону собственный дорожный мешок; кряхтя, поднялся на ноги. Все его большое, нагулявшее лишний жирок тело саднило, а мерзавка-метель куражилась над жертвой, щекоча холодным ножичком в подреберье.

Клячи и след простыл. Лишь в недрах бурана затихал издевательский стук копыт: так, небось скачет вавилонская блудница на драконе, преисполненном именами богохульными. Под ногами кишели змеи поземки, вокруг ярилась выюга. Поди-пойми: на тракте ты еще, или проклятая лошадь успела свернуть наугад. Ветер! Пока ехал, ветер дул (какое там «дул!» – рвал и метал, как бешеный!) справа. А Кюрцев тракт на подъездах к Лейдену прямой. Если только ветер не поменял направление!.. Матерь Божья, спаси и помилуй! Направь на путь истинный! Пурга секла наотмашь, но Освальд медленно поворачивался, пока не нашел нужное положение. Постоял, убеждая себя, что не ошибся. И двинулся вперед, примостив мешок на правое плечо, чтобы защитить отмороженное напрочь ухо. Дернул же ч-ч-ч... Прости, Господи! – и надоумил же злой советчик гере ван Схелфена и гере Йонге отправить своего поверенного для

осмотра монастырских угодий! Что, спрашивается, там зимой смотреть? Мерзлая, как камень, земля. Сухие соломинки местами торчат из снега. Нет, угождая-то изрядные, не обманули святые отцы. Значит, будет к следующей осени, чем вернуть ссуду с процентами. Строиться святым отцам приспичило, под Рождество. Ссуда им понадобилась. Вот и обратились в «Схелфен и Йонге». Монахам – заем, банкирам – прибыль. Обещали, конечно, хозяева ради Господа, ради страстей Его за нас, грешных, льготный заем выделить, только Йонге за лишнюю монетку удавится, а ван Схелфен сам кого угодно за ломаный грош удавит. Давай, милый Освальд! В седле трясись, мерзни почем зря! Три дня монастырской постной кашей брюхо набивай, вместо любимой поджаренной грудинки... Небось, еще и за лошадь спросят...

Разумеется, Освальд ван дер Гроот трясся в седле, мерз в пути и давился кашей, мечтая о грудинке, отнюдь не из любви к чистому искусству. Но о жалованье он совершенно забыл, ломясь сквозь пургу и перебирая горести-злосчастья. Занятый этим важным и, несомненно, увлекательным делом, бедолага едва не налетел на большое, темное, с растопыренными...

Черт?!

Нет, дерево. Откуда на тракте дерево?

Заблудился! – набатом ударила паника. Освальд метнулся обратно, угодив в объятья матерой ели, близкой родственницы первой «чертовки». Мешок зацепился за обросшую хвоей лапу. Под сапогами хрустел наст, деревья выныривали из пурги десятками, сотнями, словно издеваясь, заслоняли дорогу. А тут еще издалека, на пределе слышимости, эхо подбросило знакомый вой стаи. Несмотря на холод, путник вспотел, ноги подкосились и, чтобы не упасть, он прислонился спиной к ближайшему стволу. Дерево уберегло от ветра, сейчас дувшего в затылок, да и выюга начала стихать. Можно было не шуриться до рези в глазах, спасаясь от колючей крупы. Сердце радостно встрепенулось: огонек! Почудилось? Да нет же: теплый, живой, мерцает сквозь буран. И еще один! И еще...

Дошел! Дошел все-таки! Вот он, Лейден – рукой подать.

Усталость как рукой сняло. Теперь лес послушно расступался, спасительные огни спешили навстречу, ноги сами находили дорогу, чудесным образом минуя скрытые снегом колдобины. Открылся ровный, укатанный тракт. По обочинам тихо дремали предместья, метель смолкала позади, с сожалением выпустив добычу, и волки бросили отпевать заблудшую душу. Он почти дома.

Почти...

Ловкий черт подсуетился и здесь. «Почти дома» превратилось в «совсем не дома», едва Освальд заметил отсутствие родных ворот. Городской стены тоже не было. И, соответственно, стражников: что сторожить, когда ни стены, ни ворот? Гаага? В Гааге он бывал трижды, и этот городишко походил на красавицу Гаагу, как сам Освальд – на Св. Себастьяна. Делфт? Вряд ли. А больше в округе и городов-то нет, одни деревни. Здесь же дома каменные, многие двухэтажные, с островерхими крышами, похожими на шапочки сквалыг-лепреконов. Шаги гулко отдавались на брусчатке улиц: тихих, безлюдных и удивительно чистых. Даже снег аккуратно подметен. «От добра добра не ищут! – здраво рассудил господин поверенный. – Переночую, выясню у местных, как отсюда лучше добраться до Лейдена, и поутру...»

Поднявшись по ступенькам на крыльцо ближайшего дома, он решительно взялся за дверной молоток.

– ...А вот еще рыбной соляночки, гере ван дер Гроот! С мускатом, с гвоздичкой!

Отказаться от кулинарных соблазнов из рук фру ван Хемеарт было непосильно даже для монаха-постника. Освальд таял в жарком облаке радушия и домашнего уюта, которым буквально с порога окружили гостя хозяева. Пышка-Клара – румяная, сдобная, пухлая, в домашнем чепце и необъятном платье с оборками – хлопотала, спеша подать на стол очередное блюдо. Супруг хлопотуньи, Мориц ван Хемеарт, по его собственным словам – владелец сукноваль-

ной мануфактуры, поначалу больше молчал, тактично давая замерзшему путнику возможность насытиться и согреться. Шуба, сапоги и широкополая шляпа уже сушились подле очага (но не у самого огня, чтобы не испортить кожу и мех лишним жаром), а сам Освальд трудился за столом во благо родной утробы. Горячее вино с корицей, белые хлебцы с сырной, густо перченой начинкой, запеканка из гусиной печени, пивной суп, и – чудо, Господне чудо!! – обожаемая грудинка, с хрустящей корочкой, поджаренная на решетке! Добрым людям поистине воздастся в раю за гостеприимство. Иной вообще побоится на ночь глядя незнакомцу дверь открыть. Собак спустит!

Последние соображения Освальд не преминул высказать вслух.

Чета ван Хемеарт, переглянувшись, выслушала его сбивчивую благодарность с удивлением.

– Сразу видно, что вы не местный, гере ван дер Гроот, – многочисленные складки на вытянутом, «лошадином» лице хозяина сложились в мягкую понимающую улыбку.

– Освальд. Для вас просто Освальд, – поспешил вставить гость.

Сухощавый и прямой, как старое, но упорно цепляющееся за жизнь дерево, Мориц ван Хемеарт откинулся на высокую спинку кресла. Кивнул, сделал глоток из кубка, приглашая гостя последовать его примеру.

– У нас в Гульденберге, милейший Освальд, такие зверства не приняты. Отказать в гостеприимстве, прогнать несчастного... Собаками, наконец, травить! Если человек стучится в дверь, значит, нуждается в помощи. А долг всякого честного христианина – помогать ближнему. Разве не так?

– Конечно, вы правы, любезный гере ван Хемеарт!

Добродушный взмах рукой: «Мориц, просто Мориц!»

– Но, дорогой Мориц, в дверь не всегда стучатся добрые и благочестивые люди. Окажись на моем месте разбойник? Грабитель? Отчаявшийся бродяга?!

Лишь заканчивая тираду, Освальд задним числом сообразил: только что ему сообщили, в какой именно город он попал. Однако – Гульденберг? Странно. Очень странно. Городок расположен поблизости от Лейдена (иначе как бы он сюда забрел?!), а поверенный банкирского дома «Схелфен и Йонге» о таком месте ни слухом, ни духом!

– У нас жизнь тесная, спокойная. Все друг друга знают, воровать да разбойничать – себе дороже. Лихой человек сразу на виду окажется. А из пришлых... Не припомню я, чтоб чужие люди в Гульденберге озорничали. Может, ты помнишь, Клара?

Хозяйка сосредоточенно поджала губы, возвела очи горе, словно надеясь высмотреть ответ на беленом потолке.

– Нет, Мориц. Не помню. Не бывает у нас такого, гере...

– Освальд. Умоляю, просто Освальд!

– Нет, Освальд. Не бывает.

– А далеко отсюда до Лейдена?

Хозяин задумался, попыхивая свежераскуренной трубкой.

– Лейден, Лейден... Сам у вас в Лейдене не бывал, врать не стану, но знающие господа сказывали, – слова «знающие господа» Мориц выговорил вкусно, причмокнув, словно вспомнив о чем-то безусловно полезном и нужном, – что пешком за сутки добраться можно. Если пораньше выйти. А верхом – к ужину поспеете. Только лучше вам задержаться в Гульденберге: сами видели, какие сейчас метели! Собыетесь с пути, замерзнете, не дай Бог. Вот наладится погода, и езжайте на здоровье...

– Боюсь злоупотребить вашим гостеприимством...

– Да вы нас совершенно не стесните! Мы с Кларой домоседы, гостей принимаем редко, а так хочется иногда потолковать с новым человечком. Но, если настаиваете, можете позже перебраться в гостиницу...

Потекла ленивая, теплая, как носки тройной вязки, беседа. Здоровье, погода, цены на шерсть и сукно, кожу и пеньку, мед и овес. Пошлины, ссуды, проценты. Словом, обычный разговор двух бюргеров с достатком, коротающих вечер за кубком вина. Клара в беседе участия не принимала, однако слушала внимательно, с интересом: у пышки отросли длинные чуткие ушки, словно у горных альвов. Приметив интерес хозяйки, Освальд лишней раз напомнил себе: сверх меры не откровенничать. Радущие радушием, но «Схелфен и Йонге» болтунов карал без жалости. И еще кое-что отметил про себя гере ван дер Гроот, ибо в силу профессии был человеком наблюдательным. Едва речь заходила о ценах, лицо Морица сразу становилось сосредоточенным, а взгляд – слегка отсутствующим и вроде как устремленным внутрь. Будто всякий раз сукновал производил в уме некие арифметические действия, переводя ставки в гульденах, дукатах или флоринах в какую-то другую монету. Может, он вообще в торговле – профан? Вряд ли. Для человека, имеющего пусть малое, но собственное дело, путаться в ценах – абсурд. А когда Освальд повествовал о вояжах в Гаагу, Хенинг, Роттердам или Утрехт, – сразу замечал, что хозяева слушают с восторгом, жадно ловя каждое слово. Словно не о близлежащих местах шла речь, а о дивных заморских странах, где медведи бегают по улицам, дети рождаются с бородой, а пьяницы пьют ведерную чару в один дых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.